

народа, нигде нет более счастливого государства. Телом они проворны и крепки, сил у них больше, чем можно ожидать, судя по их росту, хотя и он, однако же, не маленький. Несмотря на то что земля у них не везде плодородна и климат недостаточно здоров, против плохой погоды они укрепляют себя умеренностью в пище, поля же исцеляют трудолюбием. Так что ни у какого другого народа нет большего плодородия и приплода скота, нет людей, более сильных, подверженных меньшему числу болезней. Ты можешь там наблюдать не только то, что обычно тщательно выполняют земледельцы, когда земле, плохой от природы, помогают они своим искусством и трудом, но увидишь, что люди вручную выкорчевывают лес в одном месте и насаждают его в другом. При этом их заботит не плодородие, а удобство перевозки: чтобы дрова были ближе к морю, рекам или же к самим городам. Ведь по земле на большое расстояние проще доставлять хлеб, чем дрова. Народ легкий и веселый, затейливый, любящий досуг, а когда это необходимо, достаточно привычный к труду. Впрочем, в иных отношениях они не слишком стремительны. Зато в умственных занятиях неутомимы. <...>

О РЕЛИГИЯХ УТОПИЙЦЕВ

Религии отличаются друг от друга не только на всем острове, но и в каждом городе. Одни почитают как Бога Солнце, другие – Луну, третьи какое-нибудь из блуждающих светил. Есть такие, которые предполагают, что не просто бог, но даже величайший бог – это какой-то человек, некогда отличившийся своею доблестью или славой. Но гораздо большая часть утопийцев – она же и намного более разумная – полагает, что совсем не те боги, а некое единое божество, вечное, неизмеримое, неизъяснимое, которое выше понимания человеческого рассудка, разлито по всему этому миру силой своей, а не огромностью. Его они называют родителем. Только на его счет они относят начала, рост, увеличение, изменения и концы всех вещей, никому, кроме него, не воздают они божеских почестей.

Даже и все прочие утопийцы, хотя они и верят по-разному, однако согласны с этими в том, что считают, будто есть единое высшее существо, которому люди обязаны и сотворением всего мира, и провидением. Все утопийцы вместе называют его на своем родном языке Митрой, но расходятся в том, что этот один и тот же Бог у разных людей разный. Каждый признает, что, кем бы ни был тот, кого они считают высшим божеством, у него вообще одна и та же природа, и только его воле и величию по согласию всех народов приписывается верховная власть надо всем. Впрочем, понемногу у всех них это разнообразие в суевериях прекращается и появляется одна религия, которая, кажется, превосходит остальные своим смыслом. Несомненно, что прочие религии давно бы уже исчезли, если бы при неудаче, посланной судьбой кому-то в то время, когда он задумал переменить религию, его страх не истолковал бы ему все так, что вышло это не случайно, а ниспослано небом, будто божество, культ которого он оставляет, мстит за нечестивый умысел против него.

А после того как они услышали от нас об имени Христовом, Его учении, образе жизни и чудесах, о не менее достойном удивления упорстве стольких мучеников, добровольно пролитая кровь которых за долгий срок и на большом пространстве привела на их путь столь многочисленные народы, ты не поверишь, с какой готовностью и они Его признали; они сделали это то ли по какому-то тайному Божиему научению, то ли оттого, что эта религия оказалась ближе всего к той ереси, которая у них сильнее всего; хотя, я думаю, немаловажно было то, что они услышали, что Христу нравилась общая жизнь Его учеников и что она до сих пор сохраняется в наиболее верных христианских общинах. И вот – по какой бы причине это ни случилось, немало утопийцев перешло в нашу религию и омылось святой водой.

Оттого, однако, что среди нас четверых, к сожалению, не было ни одного священника – ибо нас осталось всего столько, так как двое умерли, утопийцы, хотя и были они посвящены во все таинства, не обрели тех, которые у нас свершают только священники. Впрочем, утопийцы понимают эти таинства и чрезвычайно к ним стремятся. Они даже усердно обсуждают между собой, не может ли кто-нибудь, избранный из их числа, получить сан священника без назначения к ним христианского епископа. Кажется, они на самом деле собирались избрать такого, но, когда я уезжал, еще не избрали.

Даже те, которые не соглашались с христианской религией, никого, однако, не отпугивают от нее и не нападают ни на кого из принявших ее. Только вот один из нас был наказан, когда я был